

А.Ю. Ракитина, асп. кафедры истории и теории социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

СОЦИАЛЬНАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

A.Y. Rakitina

SOCIAL EFFICIENCY OF CHARITY

В статье рассматривается феномен благотворительности как элемент социальной системы. Изучаются подходы к определению социальной эффективности осуществления благотворительной деятельности. Выявлены факторы эффективности благотворительной деятельности.

Ключевые слова: благотворительность, социальная эффективность, социальные проблемы, социальная ответственность, социальная система, социальный институт.

The article considers the phenomenon of charitable giving as a part of social system. The approaches to defining its social efficiency have been given. The efficiency factors have been revealed.

Key words: charity, social efficiency, social problems, social responsibility, social system, social institute.

Со времен общественного разделения труда, впервые возникшего вследствие неолитической революции, и по настоящее время в обществе, как в пределах одной страны, так и в мировом масштабе, существует классовая дифференциация, непременным атрибутом которой является неравномерное распределение общественных ресурсов. Как реакция на такое положение вещей, будь то интуитивная, психологическая или рациональная, в любом социальном контексте инициируется благотворительная деятельность, призванная сгладить противоречия, порожденные различием интересов индивидов, их неравными возможностями и способностями, неравным доступом к общественным благам.

Благотворительная деятельность как “проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помочь к неимущему”¹ и как особого рода социальное действие очень долгое время считалась, и по сей день иногда считается, достаточной сама по себе для “оправдания социального неравен-

* Ракитина Анастасия Юрьевна, e-mail: nastya_rakitina@mail.ru

¹ Андреевский И.Е. Энциклопедический словарь, изданный Брокгаузом и Ефроном. СПб., 1891. Т. 4.

ства”². Во многом этому способствовало поверхностное толкование религиозных взглядов, когда акт дарения воспринимается как показатель высокой степени духовно-нравственного развития человека и больше ни к чему не обязывает.

Однако как важный элемент социальной структуры и социальный институт (и эта роль в последнее время все больше признается не только учеными, но и общественностью, что проявляется в повышенном внимании к проводимым благотворительным акциям, мероприятиям, а также в осуществлении благотворительной, гуманитарной помощи, в частности на международном уровне) благотворительность в современном обществе становится “одним из факторов стабильного развития общества”³. Она перестает быть средством оправдания неравенства или чего бы то ни было, компенсации и т.п., она становится средством решения социальных проблем. И акцент в современном обществе все быстрее переносится со стадии дарения на стадию оценки эффективности той или иной благотворительной активности и ее пользы для общества. Вместо “внутренней ценности подаяния” на первый план выходит “ответственность за социальную эффективность оказываемой помощи”⁴. “Основными критериями эффективности благотворительности является направленность на удовлетворение значимых общественных потребностей, т.е. социальный эффект, а не факт формального оказания помощи, а также способность благотворителей своевременно выявлять и по мере возможности оказывать содействие в решении сложных социальных проблем”⁵.

Оценка и прогнозирование общественной пользы — всецело прерогатива субъекта благотворительной деятельности. Духовно-нравственная ответственность, которая лежит в основе социальной ответственности, не может обойти вопроса пользы блага для объекта благотворительной деятельности, будь то материальные, денежные ресурсы или предоставляемые возможности. В этой связи можно привести слова Аристотеля о “неизбежном неравенстве между дарителем и получателем дара” и о необходимости для “дарителей действовать с оглядкой, не осыпать своими щедростями первого встречного, правильно выбирая тех, кого они хотят облагодетельствовать, и наделяя их должностными суммами в должное

² Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М., 2010.

³ Булгакова Л.А. Благотворительность в истории России. СПб., 2008.

⁴ Соколов А.Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании. СПб., 2005. С. 46.

⁵ Зеленова Е.А. Трансформация благотворительной деятельности в системе социальной политики России. М., 2009.

время”⁶. Еще один пример: Готфрид Фонт, профессор Парижского университета, «еще в 1280 г., отвечая на вопрос: “достойна ли награды милостия не нуждающемуся”, решительно заявил, что она “как совершающаяся без размышления заслуживает наказания”»⁷.

Благотворительность не является панацеей от социальных недугов, но она обладает значительным потенциалом в решении социальных проблем⁸. Необходимо учитывать, что социальные проблемы имеют глубокие корни, и бороться надо с их причинами, а не со следствиями. Иначе “неразборчивое подаяние” способно только увековечить нищету и другие социальные проблемы, “порождая праздность, апатию и профессиональное нищенство”⁹. Неверно выбранные формы и методы осуществления благотворительной деятельностиискажают результат, негативно влияют на благотворительную деятельность, не решая социальных проблем и порой даже усугубляя их.

Таким образом, даже если есть понимание того, что благотворительная деятельность должна быть социально эффективной, что уже является показательным с точки зрения социальной ответственности индивида или организации, встает вопрос: а что подразумеваются под социальной эффективностью различные субъекты благотворительной деятельности?

Как уже было отмечено, один подход основывается на том, что социальная эффективность благотворительности выражается в решении социальной проблемы путем устранения ее последствий. Например, можно раздать деньги нищим. Итогом будет краткосрочное устранение последствий социальной проблемы. Сама проблема останется нерешенной, т.е. создается видимость успешного результата на небольшой промежуток времени. Что в данном случае можно сказать о социальной эффективности? По сути, она нулевая. Это можно проследить по ситуации с африканскими странами, в которые направляются самые крупные потоки международной помощи: на континенте, который за последние 70 лет получил более 1 трлн долл.¹⁰, до сих пор борются с голодом. Причина неэффективности здесь заключается в отсутствии “гражданских и финансовых институтов”¹¹, в направлении помощи не на развитие инфраструктуры, а только на продовольственную поддержку.

Бессспорно, в условиях быстрого реагирования необходимо решать тактические задачи, направленные на устранение послед-

⁶ Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984.

⁷ Цит. по: Соколов А.Р. Указ. соч. С. 47.

⁸ Булгакова Л.А. Указ. соч. С. 3.

⁹ Там же. С. 4.

¹⁰ См.: Богданова О. Нет добра без худа // РБК. 2013. Март. С. 36.

¹¹ Там же. 38.

ствий социальных проблем. Одной из целей благотворительности как раз и является оказание помощи в ситуациях, требующих оперативности, как альтернатива государственной социальной политике и государственному финансированию. Однако есть и другая важная задача, гораздо более существенная, основанная на стратегическом подходе к определению приоритетных направлений и форм благотворительной деятельности. Именно стратегический подход делает благотворительность созидательной.

Другой подход к определению социальной эффективности благотворительной деятельности основывается на устраниении причин социальных проблем и трансформации социальных условий, в рамках которых возможно существование таких проблем. Этот подход уже давно нашел применение в благотворительных проектах, реализуемых в США, передовой стране с точки зрения развития благотворительности и степени ее включенности в социальную структуру.

В начале XX в. “на филантропическую сцену”¹² вышли два состоятельных промышленника — Эндрю Карнеги и Джон Рокфеллер и привнесли идеи относительно осуществления благотворительной деятельности. Согласно мнению Э. Карнеги, “благотворительность никогда не должна сводиться к простой подаче милостыни”, вместо этого истинная благотворительность должна “стимулировать людей помогать самим себе”, т.е. “лучший способ принести пользу обществу — поместить в зоне досягаемости членов общества лестницы, по которым стремление может подниматься наверх”.

Идея “помогать людям — помогать самим себе” была поддержана Д. Рокфеллером. В своем эссе “Давать — сложное искусство” он говорит, что “если люди могут быть научены помогать самим себе, мы искореняем основы многих зол в мире” и что “единственное, что представляет собой долгосрочную пользу для человека, — это то, что он делает для себя”¹³.

В действительности эта идея не нова. Она также была реализована и в России, что можно проследить по истории российского “золотого века” благотворительности, который пришелся на период конца XIX — начала XX в. По инициативе просвещенных и образованных дарителей, преисполненных любви к России и ее историческим традициям, развивались приоритетные отрасли отечественной науки, формировались художественно-эстетические центры, открывались уникальные галереи и музеи, получали признание театры. Таковыми стали Третьяковская галерея, Шукинские и Морозовские собрания современной французской живописи,

¹² Цит. по: Frumkin P. Strategic giving: the art and science of philanthropy. Chicago, 2006. P. 8.

¹³ Ibid.

Бахрушинский театральный музей, Частная опера С.И. Мамонтова, Московский художественный театр, Музей изящных искусств Ю.С. Нечаева-Мальцева, Морозовские клиники, Алексеевская и Бахрушинская больницы, приюты Солодовниковых, Мазуриных, Рукавишниковых, Шелапутинская и Медведниковская гимназии, школы Ф.И. Шаляпина, образовательные учреждения и т.п.¹⁴ Благотворительная деятельность Абрикосовых, Ртищева, Сибирякова и многих других увековечила их имена. Необходимо подчеркнуть, что пожертвования периода “золотого века” меценатства и благотворительности в России нередко были основным источником развития целых отраслей городского хозяйства (например, здравоохранения).

Что характерно, размах благотворительности и ее потомственный характер базировались на религиозных основах. Сама благотворительность являла собой заметную сторону духовной жизни общества. От сострадания к неимущим рождалось желание им помочь, но помочь в виде милостыни оказывалась и раньше и не приводила к решению конкретных социальных проблем. Поэтому просвещенность и образованность дарителей в этом ключе благотворно сказывалась на форме осуществления благотворительной деятельности, а именно на создании условий для подлинной филантропии, когда для достижения результата необходимы усилия как со стороны дающего, так и со стороны получающего субъекта. Наиболее ярко эту идею демонстрирует создание образовательных учреждений — школ, гимназий, университетов.

Идея “помогать людям — помогать самим себе” была не нова и с учетом исторической ретроспективы.

В Средние века обострение нетерпимости к нищенству (которое приобрело уже статус института), вызванное распространением протестантских религиозных воззрений и социально-экономическими изменениями эпохи капитализма, породило в Европе негативное отношение к милостыне и неразборчивому подаянию. Густав Шмольер говорит об этой трансформации следующее: “Основной принцип благотворительности, выдвинутый реформацией, гласит: спасение души не приобретается бессистемной раздачей милостыни, но в видах человеколюбия нуждающийся, по тщательном исследовании его положения, должен получать не больше того, сколько ему действительно необходимо, причем нужно всячески склонять бедных к работе”¹⁵.

Волна недовольства, направленная на “профессиональных низших”, а вслед за этим и негативное отношение к благотворитель-

¹⁴ См.: Аронов А.А. Золотой век русского меценатства. М., 1995. С. 10.

¹⁵ Цит. по: Соколов А.Р. Указ. соч. С. 46.

ности, хлынули из Европы в Россию. Так, в 1682 г., в царствование Федора Иоанновича, было заявлено намерение “разобрать” нищих и, как “во всех странах Европейских”, “возбранить им просить милостыню, поместить дряхлых и увечных в шпитальни или богадельни, а здоровых и притворных нищих принудить хлеб свой заживать работою или каким ремеслом к общенародной пользе”¹⁶.

Сбалансированное функционирование социальной системы возможно при отсутствии институциональных дисфункций и эффективном распределении социальных ролей. Благотворительность как уникальный инструмент по “задеванию дыр” различного рода обладает колоссальным потенциалом. Единственное, что нужно учитывать: не нужно пытаться давать готовое решение, которое может оказаться неэффективным, нужно создавать условия, в которых проблема будет органично решаться сама.

Таким образом, можно резюмировать, что:

1. Социальная эффективность благотворительности в современном мире в условиях ее качественной включенности в социальную структуру является необходимым условием ее осуществления.
2. Социальная эффективность в свою очередь подразумевает духовно-нравственную и социальную ответственность субъекта благотворительной деятельности, что означает борьбу с источниками социальных проблем, а не с их последствиями.
3. Социальная ответственность при осуществлении благотворительной деятельности означает определение, прогнозирование полезности блага для объекта благотворительной деятельности.
4. Стратегический подход — основа осуществления благотворительной деятельности. Субъект благотворительной деятельности должен обладать дальновидностью и глобальным видением социальных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреевский И.Е. Энциклопедический словарь, изданный Брокгаузом и Ефроном. СПб., 1891. Т. 4 (*Andreevskij I.E. Jencikopedicheskij slovar'*, izdannuj Brokgauzom i Efronom. SPb., 1891. T. 4).

Аронов А.А. Золотой век русского меценатства. М., 1995 (*Aronov A.A. Zolotoj vek russkogo mescenatstva*. M., 1995).

Богданова О. Нет добра без худа // РБК. 2013. Март (*Bogdanova O. Net dobra bez huda* // RBK. 2013. Mart).

Булгакова Л.А. Благотворительность в истории России. СПб., 2008 (*Bulgakova L.A. Blagotvoritel'nost' v istorii Rossii*. SPb., 2008).

Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4. М., 1984 (*Aristotel'. Sochinenija: V 4 t. T. 4*. M., 1984).

¹⁶ Цит. по: *Булгакова Л.А.* Указ. соч. С. 4.

Зеленова Е.А. Трансформация благотворительной деятельности в системе социальной политики России. М., 2009 (*Zelenova E.A. Transformacija blagotvoritel'noj dejatel'nosti v sisteme social'noj politiki Rossii*. M., 2009).

Мерсиянова И.В., Якобсон Л.И. Потенциал и пути развития филантропии в России. М., 2010 (*Mersijanova I.V., Jakobson L.I. Potencial i puti razvitiya filantropii v Rossii*. M., 2010).

Соколов А.Р. Российская благотворительность в русском общественном сознании. СПб., 2005 (*Sokolov A.R. Rossijskaja blagotvoritel'nost' v russkom obshhestvennom soznanii*. SPb., 2005).

Frumkin P. Strategic giving: the art and science of philanthropy. Chicago, 2006.